

Книги: А. П. Чехов в воспоминаниях современников

Издательство "Художественной литературы", Москва, 1960 и 1986

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 25 августа 2002 года

* * *

I

Антоша - ученик 1-го класса таганрогской гимназии - недавно пообедал и только что уселся за приготовление уроков к завтрашнему дню. Перед ним латинская грамматика Кюнера. Урок по-латыни трудный: нужно сделать перевод и выучить слова. Потом - длинная история по закону божию. Придется посидеть за работою часа три. Зимний короткий день уже подходит к концу; на дворе почти темно, и перед Антошей мигает сальная свечка, с которой приходится то и дело снимать щипцами нагар.

Антоша обмакнул перо в чернильницу и приготовился писать перевод. Отворяется дверь, и в комнату входит отец Антоши, Павел Егорович, в шубе и в глубоких кожаных калошах. Руки его - серосиние от холода.

- Тово... - говорит Павел Егорович, - я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У мальчика навертываются на глаза слезы, и он начинает усиленно мигать веками.

- В лавке холодно, - возражает он, - а я и так озяб, пока шел из гимназии.

- Ничего... Оденься хорошенько - и не будет холодно.

- На завтра уроков много...

- Уроки выучишь в лавке... Ступай да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Антоша с ожесточением бросает перо, захлопывает Кюнера, напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. Лавка помещается тут же, в этом же доме. В ней - невесело, а главное - ужасно холодно. У мальчиков-лавочников Андрюшки и Гаврюшки - синие руки и красные носы. Они поминутно постукивают ногою об ногу, и ежятся, и сутуловато жмутся от мороза.

- Садись за конторку! - приказывает Антоше отец и, перекрестившись несколько раз на икону, уходит.

Мальчик, не переставая плакать, заходит за прилавок, взбирается с ногами на ящик из-под казанского мыла, обращенный в сиденье перед конторкой, и с досадою тычет без всякой надобности пером в чернильницу. Кончик пера натывается на лед: чернила замерзли. В лавке так же холодно, как и на улице, и на этом холоде Антоше придется просидеть по крайней мере часа три: он знает, что Павел Егорович ушел надолго... Он запихивает руки в рукава и съезживается так же, как и Андрюшка и Гаврюшка. О латинском переводе нечего и думать. Завтра - единица, а потом - строгий нагоняй от отца за дурную отметку...

Едва ли многим из читателей и почитателей покойного Ант.П.Чехова известно, что судьба в ранние годы его жизни заставила его играть за прилавком роль мальчика-лавочника в бакалейной лавке среднего разряда. И едва ли кто поверит, что этот строгий и безусловно честный писатель-идеалист был знаком в детстве со всеми приемами обмеривания, обвешивания и всяческого торгового мелкого плутовства. Покойный Антон Павлович прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю свою жизнь. Ребенком он был несчастный человек.

В его произведениях внимательному читателю бросается в глаза одна, не особенно заметная с первого взгляда, черта: все выведенные им дети - существа страждущие или же угнетенные и подневольные. Варьке, отданной в услужение к мастеровому, нет времени выспаться, и она душит ребенка в колыбели, чтобы сладко заснуть ("Спать хочется"). Егорушка, которого родственник и сельский священник везут в город учиться, не выдастся во всем длинном рассказе ("Степь") ни одной чертой, которая говорила бы о его жизнерадостности. Даже группа детей, так оживленно играющая в лото ("Детвора"), играет не в силу потребности детски-беззаветно повеселиться, а от гнетущей скуки, на которую обрекли эту детвору уехавшие в гости родители. Большинство чеховских детей нарисовано автором так, что читателю, познакомившемуся с ними, невольно делается как-то жаль их и грустно.

Этот тон и эти мастерски написанные, с оттенком грусти, портреты детворы выхвачены прямо из